

15 лет назад, 19 июля 1984 года, не стало Фаины Георгиевны Раневской — одной из самых ярких наших актрис и незаурядных личностей. До сих пор при упоминании ее имени у людей светлеют лица: такую память оставила о себе эта остроумная и очень талантливая женщина.

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ

ВЕЛИКАЯ ФУФА

В 1989 году к нам, в Россию, пожаловал гражданин США Евгений Фельдман, сотрудник одной из частных фармацевтических фирм. Он сносно говорил по-русски, и кто-то из журналистов, естественно, его спросил:

— Остались ли у вас родственники в России?
— Была тетка. Я только слышал от родителей, что она мечтала стать актрисой. Поэтому и отказалась уехать вместе со всеми. Сказала, что русской актрисой можно стать только в России. С тех пор мы больше ничего о ней не слышали. Теперь уже умерла, наверное.

— А как ее звали?
— Фаня Фельдман.
— Так это Раневская! Вы — племянник Раневской?! — радостно вскричал журналист.
— А кто такая Раневская? — недоуменно спросил Фельдман.
— Ваша тетка! Великая актриса Раневская... Так единственный оставшийся из рода Фельдманов узнал, что тетя Фаня не погибла в России, не исчезла бесследно в бурном водовороте российской истории, а стала блистательной актрисой русской сцены и советского кино.

Не на своей улице и не в своей эпохе

Ее старый партнер по кино Осип Абдулов (грек Дымба из фильма «Свадьба») на вопрос: «Какое ампула у Раневской?» — ответил так:

— На этот вопрос невозможно ответить. Она одна — целая труппа!

Ей часто был слишком узок авторский текст пьес, нелепы указания режиссеров, смешны всякие указания и совещания по поводу того, как надо «раскрывать образ». Об одном из художественных ее выступлений в бумажно-художественной манере заметила: «Сидят и кушают бойцы товарищей своих».

Актрисы любили Раневскую и ласково называли ее «Фуфой», а Бероева — ее партнера по спектаклю «Странная миссис Свэйдж» в театре имени Моссовета — «Фуфовозом», он всегда красиво и трогательно выводил Раневскую на поклонники к ревущему от восторга залу.

Пятнадцать лет с неизменным успехом играла Раневская в пьесе «Дальше — тишина» со своим неизменным партнером Ростиславом Пляттом. Последний раз она вышла в спектакле 24 октября 1982 года в возрасте 86 лет.

Один из поклонников Раневской после спектакля подошел к актрисе и с почтением к ней обратился:

— Товарищ Раневская, простите за нескромный вопрос: сколько вам лет?

— В субботу будет сто пятнадцать.

Зритель прямо обмер от восторга:

— И в такие годы так играть!

В ответе своем Раневская была, как всегда, иронична и насмешлива. Любовь Орлова так бы никогда не ответила: она хотела быть вечно молодой. Раневская ничего не скрывала, она была безжалостна к себе и ко времени.

В ее записной книжке кричат такие записи: «Я прожила не на своей улице и не в своей эпохе. Мне нужен XIX век. Срочно!»

«Это не театр, а дачный сортир. Так тошно кончать свою жизнь в сортире. Я хожу в театр, как в молодости шла на аборт, а в старости — рвать зубы... Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-разному».

«Режиссеры меня не любили, я платила им взаимностью. Исключением был Таиров, поверивший мне».

Бутылку водки — за Сталина

Не очень повезло в театре, но, может быть, Раневская себя полностью реализовала в кино? И здесь все то же «кувы». Конечно, кино ей принесло всенародную популярность, она даже оказалась включенной Британской энциклопедией в десятку великих актеров XX века. И один раз кто-то из исследователей творчества Раневской в беседе с ней радостно воскликнул:

— Как счастливо сложилась ваша судьба в кино!

— Что?! — последовало в ответ, и лицо Раневской сделалось багровым от гнева. Больше этого человека на пороге ее дома не было. Из всех сыгранных ею более 20 ролей в кино она была удовлетворена лишь одной — своей ролью в фильме Михаила Ромма «Мечта», все остальные ее не «кустроили», хотя некоторые из них она сыграла на высочайшем уровне: мать невесты в чеховской «Свадьбе» (1944) и таперша в картине «Александр Пархоменко» (1942). Последний фильм вполне серый, проходной, но Раневская в нем, — всего лишь эпизодическая роль, — блистательна. Созданный ею образ безголосой певицы во второразрядном кабаке остается в памяти навсегда.

Свою первую роль в кино она сыграла лишь в 38 лет! В 1934 году в фильме «Пышка» госпожу Луазо, антикрасотку, точнее, уродину с неприятным, назойливым характером.

«Я никогда не была красива, но всегда была чертовски мила», — говорит Раневская в фильме «Человек в футляре», там она — затрапезная жена чиновника, в замурованном пенуаре, утром музицирует одним пальцем на рояле: «Почему я не сокол? Почему не летаю?.. Не «чому» как в песне, а именно «почему?» — нудно до противности. Оплеуха мужу. И снова — «Почему я не сокол? Почему не летаю?» Образ. Характер. Типаж. И все дано крупно, ярко, выпукло.

А знаменитая Лелечка-великан со своим маленьким, невзрачным мужем — читателем газет Мулей и ее хрестоматийная просьба: «Муля, не нервнируй меня!»

Вспомнили? Все свои персонажи Раневская играла удивительно «схемно», и невозможно было удержаться от смеха.

Настоящей драматической ролью могла стать боярыня Ефросинья Старицкая, вокруг которой спланируется заговор против царя. Эту роль Сергей Эйзенштейн предназначал для Раневской. Пробы были сделаны, и они были великолепны. Но тут вмешался большой чиновник от искусства по фамилии Большаков, он запретил брать на роль Раневскую из-за ее семитского разреза глаз. Эйзенштейн отстоял Фаину Георгиевну не смог, та была расстроена до чрезвычайности.

«Я повстречала Раневскую на улице зимней Алма-Аты, — вспоминала актриса Марина Ладынина. — Фаина везла на саночках поклажу и направлялась, по-моему, к вокзалу. Я спросила: «Что с «Грозным»?» — «Да лучше я буду кожу с жопы продавать, чем сниматься у Эйзенштейна!» — воскликнула она».

Эйзенштейн, разумеется, узнал об этой феерической реплике. И через некоторое время ответил Раневской, — он тоже, как и она, был остер на язык, — ответил телеграммой: «Как идет продажа? Эйзенштейн».

Несмотря на все личное недовольство своей творческой судьбой, у Раневской было все: звание народной актрисы СССР, Сталинские премии, правительственные награды.

Доподлинно известно, что Сталин был поклонником таланта Раневской. Во время одной из своих полупрофессиональных встреч с деятелями кино вождь глубокомысленно заметил:

— Вот товарищ Жаров хороший актер, но наклеит усы, или бакенбарды, или бороду нацепит, а все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает — и все равно всегда разная.

Ночью в квартире Раневской раздался звонок. Звонил Сергей Эйзенштейн: «Фаина! Фаина, ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?» Надо знать то время, чтобы понять состояние Фаины Георгиевны: она была ошеломлена и потрясена. Тут же спустилась во двор, в котельную, разбудила дворника и с ним распилла бутылку водки за свой звездный час.

Спустя годы Раневская уже более спокойно реагировала на свою славу, и когда в Кремле еще болел Брежнев вручал ей орден Ленина и при этом неожиданно для себя выпалил: «Муля, не нервнируй меня!» — Фаина Георгиевна обиженно сказала:

— Леонид Ильич, так ко мне обращаются только мальчишки и хулиганы.

Генсек очень смутился и стал неуклюже оправдываться:

— Простите, но я вас очень люблю.

Можно по этому поводу длинно рассуждать, но лучше самой Раневской не скажешь. Одному из своих близких знакомых она призналась жестоко и откровенно:

— Тщеславие — родная сестра бездарности. Я не Чаплин и не Шалалин, и нечего мандить. Я — рядовая актриса. Довольно приличная... Но когда хвалят, приятно до сердцбиения, когда ругают — тошно до инфаркта.

И все же в целом кино доставляло ей больше огорчения, чем радости. Ей предлагали многие роли — бездарные роли в бездарных советских фильмах, она их, как правило, отвергала, говоря при этом: «Сняться в плохом фильме — все равно что плюнуть в вечность».

О своей актерской судьбе Раневская говорила печально-иронично. «Я — кладбище несмысленных ролей, — как-то сказала она кинокритику Андрею Зоркому. — Я родилась недоношенной и ухожу из жизни недоказанная и недоувавленная. Я недо... милый мой! И в этом творческом смысле тоже».

Все мужчины — гады и мерзавцы

Кстати, о трех точках в начатой фразе: «Я недо...» И в этом смысле Раневская, на мой взгляд, трагическая фигура. Ей как-то не везло в любви, бываюот вот такие невезучие женщины (поклонение как к актрисе — это одно, а мужская любовь — это нечто совсем иное). Какой-то корреспондент однажды достал ее вопросом — была ли она когда-нибудь влюблена?

— А как же? — сказала Раневская после некоторой паузы. — Вот было мне девятнадцать лет, поступила я в провинциальную труппу — и сразу влюбилась. В первого героя-любовника! Уж такой красавец был! А я-то, правду сказать, страшная была, как смертный грех... Но очень его любила: ходила вокруг, глаза на него таращила; он, конечно, ноль внимания. А однажды вдруг подхитит и говорит шикарным своим баритоном: «Деточка, вы ведь возле театра комнату снимаете? Так ждите сегодня вечером, буду к вам в семь часов». Я побежала к антрепренеру, денег в счет жалованья взяла, вина накупила, еды всякой,

оделась, накрашилась — жду сию. В семь нету, в восемь нет, в десятом часу приходит... Пьяный и с бабой! «Деточка, — говорит, — погуляйте где-нибудь пару часиков, дорогая моя!»

Произошло все это, Раневская замолкла, а затем с экспрессией добавила:

— С тех пор не то что влюбиться — смотреть на них не могу: гады и мерзавцы!

Конечно, не все мужчины были для Раневской «гадами» и «мерзавцами», но что-то на личном фронте у нее явно не клеилось. Почему? Не будем об этом гадать: тема деликатная. Сама Раневская однажды обрисовала ситуацию своего одиночества весьма просто: «Все, кто любил меня, не нравились мне. А кого я любила — не любил меня».

А в аптеку сходить некому

При всем обилии друзей и поклонников Фаина Раневская была одинокой. После спектакля, глядя на груду писем и открыток, полных слов восхищения и любви, в один из моментов она вздохнула:

— Боже, как много любви! А в аптеку сходить некому.

Она ухаживала за собой сама, лишь иногда приглашала кого-нибудь ей помочь. Одной из таких помощниц была некая Дуся.

— Дуся, ко мне после спектакля придут гости, сходите к Елисееву, купите сыра, ветчины, рыбы, икры, колбасы языковой...

Дуся задумчиво проверяет себя вслух:

— Значит, я иду в гастроном, так? Рыба, ветчина, масло, так? Языковая колбаса, икра... — Она идет к двери и на выходе останавливается:

— Да, Фаина Георгиевна, чтоб не забыть, — в четверг конец света.

Рассказывая об этом своим гостям, Раневская с лукавством добавляла:

— И что вы думаете, конец света действительно наступил. Просто мы его не заметили.

Был в жизни Раневской короткий период, когда она пожила вдвоем со своей сестрой Беллой, которая после 40-летней разлуки, похоронив мужа, приехала к ней из Парижа в Москву. «А где твой особняк? Где вилла?» — с недоумением спрашивала она. У Раневской этого ничего не было, была лишь квартира в высотке на Котельнической набережной. Из всей доступной роскоши она любила лишь хорошие духи.

— Можете себе представить, — говорила она своей приятельнице, журналистке Татьяне Тэсс, — сегодня я с утра просматривала все свои бумаги, лежащие в ящике стола. Среди них масса писем, множество каких-то квитанций, старых рецептов на лекарства, фотографий, листочков с номерами телефонов, о которых я понятия не имею, — словом, разных бумаг полным-полно... Но нет среди них только одного: денежных знаков... Разбегаются, как тараканы, с чудовищной быстротой...

Выражалась она всегда образно и ярко. Запретных слов не признавала. Стоило спросить ее, как она себя чувствует, и в ответ вы могли услышать: «Ужасно. Весна, а такой холод. Вы не находите, что наша планета вступила в климатический период?» Или: «Зима, а я ненавижу зиму, как Гитлера. Зима — мой саван. Вы интересуетесь, что говорят врачи? Но хороших врачей нет. Они спрашивают, на что я жалуюсь. У меня воспаление надпочечного нерва. Но жалуюсь я на директора театра. Он тридцать лет не дает мне покой».

Раневская могла быть резкой. Надоевшему своим рассказам собеседнику она объявляла по телефону: «Не могу больше с вами говорить, звоню из автомата...» — и тот, потрясенный, опускал трубку: неужели ему померещилось, что он сам набирал номер?

Рассказывает режиссер, завилт московского театра «Сфера» Александр Малов:

«Фаина Георгиевна стояла в своей гримерной совершенно обнаженная и курила. Вдруг к ней — без стука! — вошел администратор театра. И — ошарашенный — замер. А Фаина Георгиевна спокойно спросила:

— Вас не шокирует, что я курю?»

Подобных историй с Раневской ходит много. Но пора и закругляться.

Драма старости

Она прожила одинокую актерскую жизнь, не выйдя замуж, не имея детей, утешаясь в старости привязанностью пса по кличке Мальчик.

— Старость — это просто свинство, — сказала она как-то своей собеседнице. — Господи, уже все уши, а я все живу. Бирман и та умерла, а уж от нее этого никак не ожидали. Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься искусством, музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успеешь, а только начинаешь жить!

Быстротечность жизни — предмет ее частых сетований.

— Жизнь прошла и не поклонилась, как сердитая соседка...

— Я, как старая пальма на вокзале, — никому не нужна, а выбросить жалко.

Она плохо себя чувствовала, но и к своему плохому самочувствию относилась с иронией:

— Я принимаю столько лекарств. Они отбили мои мозги. Я так волнуюсь, что забыла роль... Как ребенок. Куда он ходит? На аборт? Вспомнила: на экзамен!

— Меня врач спрашивает: «Как вы спите?» Я говорю: «Я сплю с Пушкиным». Он был шокирован. А правда — я читаю допоздна, и почти всегда Пушкина...

И Саввиничо Раневская сказала:

— Я перечитываю все Пушкина, Пушкина, Пушкина. Мне даже приснилось, что он входит и говорит: «Как ты мне, старая дура, надоела».

Раневская иногда записывала свои мысли. Вот одна из них: «Если бы я вела дневник, я бы каждый день записывала одну фразу: «Какая смертная тоска...» И все». Это было написано в январе 1966 года.

«Три года я писала книгу. Я порвала ее. Страницы лежали, как белые мертвые птицы».

Вошла Татьяна Тэсс и устроила истерику. А я нашла объяснение у Стендаля. Он писал: «Если у человека есть сердце — он не хочет, чтобы его жизнь бросалась в глаза».

Фаина Раневская не написала книгу. Остались только отдельные записки да устные рассказы. Она умерла 19 июля 1984 года, совсем немного не дожив до 88 лет.

Когда она лежала в больнице, консилиум врачей собрался ей сделать операцию.

— Нет, не хочу! — заявила Раневская.

— Это чтобы вы быстрее встали на ноги и не хромали.

— А вы что думаете, я собираюсь играть «Даму с камелиями»? — ответила она. Ее сарказм и самоирония не изменяли ей до конца.

Великая Раневская. Великая Фуфа. Актриса на все времена.